

С. Г. Осьмачко

Историософия К. Н. Леонтьева в оценках Н. А. Бердяева

Рассмотрены те оценки историософической системе К. Н. Леонтьева, которые в ряде своих работ дал Н. А. Бердяев. Бердяев неоднократно подчеркивал, что Леонтьев не являлся историком в собственном научном понимании этого слова; поэтому он предлагал изучать исторические взгляды Леонтьева в аспекте его «органической» теории или в рамках религиозного направления. Анализируя леонтьевское учение о трех стадиях общественного прогресса (первичная простота, цветущая сложность и вторичное упрощение), Бердяев критически оценивал уровень его философской культуры, отстававшей от его же исторического мировоззрения. Для Бердяева историософия Леонтьева – часть «органической теории общества», которая давно опровергнута ходом развития общественной мысли («натуралистический метод неприменим к общественным явлениям»). Бердяев полагал, что Леонтьев пришел к своим историософическим теориям через общую эстетику мировосприятия; он внимательно разбирался в сочетаниях фатализма, предопределенности и свободы воли в леонтьевских историософических построениях. Бердяев неоднократно обращался к проблеме эсхатологичности, апокалиптичности в оценке Леонтьевым хода и исхода исторического процесса. Также Бердяев объективно проанализировал византизм Леонтьева.

Ключевые слова: Н. А. Бердяев, К. Н. Леонтьев, история, историософия, движущие силы исторического процесса, первичная простота, цветущая сложность, вторичное упрощение, эсхатологизм, византизм.

S. G. Osmachko

K. N. Leontiev's Historiosophy in N. A. Berdyaev's Estimates

Those assessments of the historiosophic system of K. N. Leontiev are regarded, which N. A. Berdyaev gave in a number of his work. Berdyaev repeatedly emphasized that Leontiev wasn't a historian in real scientific understanding of this word; therefore he offered to study Leontiev's historical views in the aspect of his «organic» theory, or within the religious direction. Analyzing Leontiev's doctrine about three stages of the public progress (primary simplicity, blossoming complexity and secondary simplification), Berdyaev estimated the level of his philosophical culture critically which was lagging behind his historical outlook. For Berdyaev Leontiev's historiosophy was a part of «the organic theory of society» which was refuted by the process of the social thought long ago («a naturalistic method is inapplicable to public phenomena»). Berdyaev believed that Leontiev came to his historiosophic theories through the general aesthetics of perception; he attentively understood combinations of fatalism, predefiniteness and a free will Leontiev's historiosophic constructions. Berdyaev referred to the problem of eschatology, apocalypticism in Leontiev's assessment of the course and result of the historical process repeatedly. Also Berdyaev analysed Leontiev's vizantism objectively.

Keywords: N. A. Berdyaev, K. N. Leontiev, history, historiosophy, driving forces of the historical process, primary simplicity, blossoming complexity, secondary simplification, eschatologism, vizantism.

Неоднократно отмечалось, что К. Н. Леонтьев не являлся ученым в строго академическом смысле этого понятия; аналогично он не был историком, например, автором какой-то завершённой теории исторического процесса. Его историософия – самобытный сплав нескольких достаточно разнородных фрагментов – не претендовала на системное объяснение прошлого и настоящего. К. Н. Леонтьев произвольно выбирал во всемирной истории «два призрачных смысла»: «то он понимал мировой процесс натуралистически, то мистически» [2, с. 219]. Таким образом, по мнению Н. А. Бердяева, история для К. Н. Леонтьева – сложный процесс, который осмысливается либо в рамках «органической» теории, либо в религиозном аспекте. Рассмотрим оба аспекта подробнее.

Учение о трех стадиях развития всего существующего (в том числе и в мире исторических процессов и явлений): первичной простоты, цветущей сложности и вторичного упрощения – представлялось тщеславному Леонтьеву высочайшим достижением историософической мысли. «Он ждал, что историки подтвердят его учение об упрощительном смещении. Но историки не заинтересовались им» [1, с. 134].

Бердяев усматривал причину этого непризнания в том, что «философская культура К. Н. Леонтьева не стоит на высоте его смелых интуиций и прозрений». Он писал: «Замечательное учение К. Н., в котором ему удалось установить несомненные истины, не было достаточно углубленным. Учение это может быть названо общественной морфологией. Оно устанавливает

соотношение форм в общественной жизни. И многие положения этой морфологии имеют объективное значение. Но К. Леонтьев не доходит до общественной онтологии, он остается в области общественной феноменологии. Его общественная философия не углублена до онтологических основ общественного. В качестве морфолога общественного он рассматривает общество как организм и изучает смену и соотношение форм. Наиболее ценно установленное К. Н. соотношение между цветущей сложностью общества и его дифференцированностью и морфологическим разнообразием, а с другой стороны – между отцветанием и отмиранием общества и упрости-тельным смещением в нем» [1, с. 103].

Бердяев увидел главное: для Леонтьева история есть смена форм существования человеческого общества (отсюда и «общественная морфология»); также заметно чрезвычайное натурализовывание этой морфологической динамики. Для Бердяева «в крайнем методологизме современной критической философии» видится «упадок и вырождение философской мысли, отступничество от великих онтологических задач философии» [1, с. 46]. Поэтому он не обнаружил склонности к традиционной жесткой критике «методологического несовершенства» историософии Леонтьева, проявившегося, как уже отмечалось выше, в «избыточности натурализации». По его мнению, крайний леонтьевский натурализм сам по себе исключительно противоречив: объективность и бесстрастность в данном случае – кажущиеся, постоянно вступающие в противоречие с интуитивными веяниями, столь характерными для мыслителей начала XX в. При этом «К. Н. хочет найти не только формулу органического развития общества, но и формулу наибольшего органического совершенства общества, форму его высшего цветения»; «идеи его остры и радикальны, но не отличаются большим разнообразием и богатством. Он искал сложной и разнообразной жизни, а не сложного и разнообразного познания» [1, с. 61, 79].

Историософия Леонтьева «есть разновидность органической теории общества», которую Бердяев не берет серьезно опровергать, поскольку «уже признана несостоятельность всех этих попыток в современной социологической методологии. Прежде всего следует считать твердо установленным, что натуралистический метод неприменим к общественным наукам, он приводит лишь к совершенно фиктивным аналогиям. Жизнь общества не есть жизнь органиче-

ская в биологическом смысле этого слова, и понятие смерти от старости может быть применено к ним лишь в переносном и условном смысле» [2, с. 217].

Бердяев предполагал, что Леонтьев пришел к своим историософическим теориям через общую эстетику мировосприятия, которая порождает у него крайне отрицательное отношение к европейскому развитию во второй половине XIX в.: «К. Н. не может простить Европе, что она отрешилась от своего благородного прошлого. Он не был врагом тех принципов, которые были положены в основу европейской культуры, – католичества, феодализма, рыцарства. Он был врагом измены этим принципам, самими же принципами эстетически восторгался. Мещанство победило католичество, аристократию, поэзию старой Европы».

Для Леонтьева образ мещанства (буржуазности) – закономерный результат «либерально-эгалитарного процесса», которым «захвачена Европа»; «он ужаснулся, содрогнулся от отвращения», «почувствовал сначала эстетическую, а потом и религиозную ненависть к “прогрессу”, который ведет к царству мещанства, он возненавидел свободу и равенство как главные, по его мнению, орудия мещанского царства» [1, с. 75].

Бердяев всесторонне проанализировал комплекс глубоких внутренних побуждений Леонтьева, показал, каким образом его мысль двигалась от эстетического анализа мира и человека к общим историографическим проблемам.

Буржуазный прогресс губит цивилизацию путем усреднения как личности, так и общественных процессов. Для Леонтьева «средний тип буржуа не только антиэстетичен, но и есть приближение к небытию, есть угасание жизни, то есть в конце концов он аморален, антионтологичен, безбожен» [1, с. 91]. Леонтьев противопоставляет «мещанской эгалитарности» идеалы «сложного цветения» (вторая фаза в его историософской схеме), предполагающие «сложное, дифференцированное, разнородное и разнообразное строение общества, неравенство сословий и классов, существование аристократии, сильной государственности, великих людей, возвышающихся над массой, гениев и святых». Напротив, «страсть к равенству и к смешению влечет общество и культуру к смерти. Демократические движения означают распадение общественного организма, наступление старости, умирание. К. Н. открывает что-то вроде закона энтропии в социальной жизни», – заключал Н. А. Бердяев [1, с. 82].

Он неоднократно и с разных сторон оценивал так называемый *натурализм* леонтьевских историко-философских построений. Тот «любил органические периоды человеческой истории» (пики цветущей сложности) и «эстетически» не любил ее «критические периоды» (упадок, вторичное упрости́тельное смешение). Доминирование эстетического подхода в оценках мира истории привело Леонтьева к следующему: «В его сознании произошло сближение и совпадение эстетических и натуралистических восприятий и критериев. Это отождествление эстетической и биологической оценки может быть охарактеризовано как элемент натуралистического оптимизма в его мирозерцании». Далее Бердяев заключает: «Общество было для него организмом, и выход общества из органического состояния означал разложение и смерть» [1, с. 77, 78].

Бердяев прямо указывал, что у Леонтьева «не было надлежащей подготовки для научно-социологических исследований». Стремясь исключить из практики идею всеобщего благоденствия, «торжество правды и счастья на земле путем освободительного и уравнивающего прогресса», он «и схватился за совершенно несостоятельную органическую теорию развития и умирания наций и государств. Кроме натуралистической социологии, у Леонтьева была еще мистическая философия истории; служили они одной и той же цели, но совершенно не были между собой связаны» [2, с. 217].

Помимо несовпадения онтологического и социологического подходов в разорванной теории истории Леонтьева, Бердяев отмечал и такие ее пороки, как необъективность (тема реализма) и избыток детерминистского подхода. Бердяев иронизировал над постоянным стремлением Леонтьева демонстрировать («гордиться») своим «бессердечным жестоким реализмом», стилистически использовать «ультрареалистические и ультрапозитивистские аргументы» («что несколько странно для мистика» и «страстной натуры, менее всего способной на объективность»). «У Леонтьева нет и тени научного реализма», – заключал Бердяев [2, с. 216, 217].

Иными словами, леонтьевский натурализм во все не означал хотя бы естественно-научной объективности. «Как это умудрился он соединить исторический фатализм, уверенность в фаталистически неизбежной гибели национальных культур на известном году жизни с христианской мистикой?» [2, с. 218]. В данном случае мы

вплотную подходим к проблематике *движущих сил исторического процесса*.

Прежде всего обратимся к ориентирам. Леонтьев демонстративно придерживался так называемого русского направления, но в качестве преобладающего направления развития истории он все же брал в расчет именно Европу: «Леонтьев был более “европейцем”, чем сам сознавал и чем это принято о нем думать. Он был влюблен в старую Европу, рыцарскую, католическую, романтическую. Он ненавидел лишь современную буржуазно-демократическую Европу и ненавидел ее за то, что она изменила своим святыням, своей былой красотой» [1, с. 46].

Леонтьев представлял мировую историю через призму европейского «вторичного упрости́тельного смешения»; для него Европа гибнет, погрязнув в «мещанстве», порожденном «либерально-эгалитарным процессом». «Он восстает против мещанства и против буржуазности Запада. Это основной его мотив, и это в нем мотив русский. Он ненавидит буржуазный мир и хочет его гибели. Если он ненавидит прогресс, либерализм, демократию, социализм, то исключительно потому, что все это ведет к царству мещанства, к серому земному раю», – заключил Бердяев [3, с. 80].

Эстетически брезгуя процессами и результатами «усреднения» (глобализации), Леонтьев талантливо бичевал «одряхлость» и грядущую смерть европейской цивилизации, развитие которой завершилось, и началось разложение (кризис). «В эстетической и мистической ненависти Леонтьева к демократии и плебейской культуре есть какая-то правда, но есть и грубая ложь, грубое недоразумение, в котором мы должны разобраться», – писал Бердяев [2, с. 233]. Действительно, стоит разобраться и в несовпадении леонтьевских оценок «гибнущей» Европы, и в византийских (российских) путях ее спасения, и в разнообразных толкованиях *фатализма, предопределенности и свободы воли в исторической деятельности*.

По оценке Бердяева, Леонтьев не доходил до онтологических основ процесса всемирной истории, ведь его философская культура всегда уступала его же интуиции. В качестве объективного фактора исторического процесса Леонтьев видел действие Божьего промысла, который в его писаниях слишком натурализировался, а то и просто отождествлялся с законами природы; видимый факт «главенства объективной идеи над природной стихией» [1, с. 173] никогда не подвергался

сомнению в его работах; более того, «он с религиозным пафосом и с эстетическим любованием утверждает действие железной природной необходимости в человеческом обществе, не допуская субъективного человеческого произвола. В законах природы, действующих в истории, он видит Бога и красоты. Он открывает божественное начало не в человеческой свободе, а в природной необходимости» [1, с. 69–70].

Применяя качества обыденного мышления к историческому закону, Леонтьев больше верил Богу, чем человеку; он недооценивал роль духовного фактора в истории, в жизни общества, не чувствовал потенций свободного человеческого духа, поскольку не понимал свободы (допуская влияние на историю отдельных избранных личностей «во имя таинственных мистических целей», «так как религиозность его была индивидуально-аскетической» [2, с. 210, 233]). «К. Н. не народник, он не верит в народ, – писал Бердяев, – в народную стихию и народные начала. Он верит в Церковь, верит в государство, верит в идею, верит в красоту, верит в избранные, яркие, творческие личности, но не верит в народ, не верит в человеческую стихию, в человеческую массу. И это делает Леонтьева совершенно оригинальным, единственным в своем роде» [1, с. 153].

Бердяев критиковал точку зрения Леонтьева относительно факторов исторического процесса, поскольку стоял на противоположной точке зрения. Он писал: «Что обнаруживает полнейшую наивность и не критичность Леонтьева, так это его вера в органические законы исторического развития. Нелепость и противоречивость самого понятия “исторического закона”, “закона развития” достаточно теперь обнаружена Риккертом и целым рядом гносеологов и методологов общественной и исторической науки. Индивидуальное своеобразие всякого развития, всякой “истории” не допускает установления закономерности для конкретного хода жизни. Настаивать на неумолимом ходе якобы органического развития обществ более приличествовало бы дарвинисту или экономическому материалисту, чем Леонтьеву» [2, с. 217–218].

Для Бердяева позиция Леонтьева неверна именно по причине недооценки роли свободы и переоценки (абсолютизации) фаталистического подхода: в этом отношении «страстная воля ослепила его разум. У Леонтьева совершенно отсутствует идея свободы, к которой нас приводят и религия, и философия, и наука. Реальная общественная наука наших дней смиряется перед

философским и религиозным учением о свободе, видит природу общества в психологическом взаимодействии индивидуальностей, а сущность исторического процесса – в свободном творчестве человека. Поэтому наука отказывается от исторических предсказаний и тайну будущего отдает в ведение религиозной свободы» [2, с. 218].

Завершая анализ историософии Леонтьева, заметим, что Бердяев не раз указывал и на такую ее существенную черту, как *эсхатологичность*, *апокалиптичность* («у него была эсхатологическая направленность», «его пугал ужас конца, предела» [3, с. 109; 2, с. 219]). Для Леонтьева следствием либерально-эгалитарного процесса являлось ускоренное, неотвратимое приближение краха мировой цивилизации («начало конца», «смерть мира»). Бердяев отмечал следующие *черты леонтьевской эсхатологии*:

- натурализация темы конца света («Близкий конец человечества был для него неотвратимой естественной смертью. Приближение конца, смерти, он прежде всего познал как натуралист и ощутил как эстет. Это свое познание и ощущение он потом санкционировал религиозно, согласовал с религиозным пророчеством. Но натуралистическая печать осталась на его апокалиптическом сознании»);

- отсутствие каких бы то ни было хилиастических тенденций («Апокалиптические настроения и предчувствие конца мрачны, в них нет никаких хилиастических надежд» [1, с. 214–215]);

- привлекательность леонтьевских писаний для «романтиков и мистиков всех времен», особенно для тех, кто «болен» апокалиптическими настроениями («Леонтьев – страшный писатель, страшный и соблазнительный для всего исторического христианства» [2, с. 209]);

- провидческие, прогностические озарения: Леонтьев предвидел и фашизм, и большевизм (сталинизм), и мировые войны; для него эти процессы и явления суть проявления антихристового духа, который погубит «все святые и ценности благородного старого мира». В основе этих предчувствий – осознание, острое ощущение Леонтьевым «катастрофического темпа истории» [1, с. 214].

Бердяев дает блестящую завершённую характеристику историческому сознанию Леонтьева: «У него вообще было сильное чувство истории – в отличие от огромного большинства русских людей. Он предпочитал драматизм истории, с противоречиями, с контрастами, с добром и злом,

со светом и тьмой, с борьбой. И в этом он не был характерно русским человеком. Ему чуждо было русское искание всеобщего спасения всех людей всего мира. По чувству истории, по оценке культуры и общественного он, скорее, западный человек» [1, с. 101].

Библиографический список

1. Бердяев, Н. А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст] / Н. А. Бердяев. – М. : АСТ, Хранитель, 2007. – С. 3–225.

2. Бердяев, Н. А. Константин Леонтьев – философ реакционной романтики [Текст] / Н. А. Бердяев //

К. Н. Леонтьев: pro et contra. Кн. I.– СПб. : РХГИ, 1995. – С. 208–234.

3. Бердяев, Н. А. Русская идея [Текст] / Н. А. Бердяев. – М. : АСТ, Хранитель, 2007. – 286 с.

Bibliograficheskij spisok

1. Berdjaev, N. A. Konstantin Leont'ev. Oчерk iz istorii ruskoj religioznoj mysli [Tekst] / N. A. Berdjaev. – М. : AST, Hranitel', 2007. – S. 3–225.

2. Berdjaev, N. A. Konstantin Leont'ev – filosof reakcionnoj romantiki [Tekst] / N. A. Berdjaev // K. N. Leont'ev: pro et contra. Kn. I. – SPb. : RHGI, 1995. – S. 208–234.

3. Berdjaev, N. A. Russkaja ideja [Tekst] / N. A. Berdjaev. – М. : AST, Hranitel', 2007. – 286 s.